

всех иллюстрациях соответствует характеристике, данной поэмой. Его лицо обаятельно строго и благообразно. В нем нет никакой сентиментальности и преувеличенной романтики. Игорь не представляет собой слишком идеализированного героя. Он является скорее фигурой, которой не чужды естественные и реалистические эмоции человека.

Обращает на себя внимание и изображение коней. Подобно тому как разница характеров главных фигур переднего плана выражается различием мимики и жестов, так и в конях отражается различие душевного состояния их всадников. Вороной конь Игоря с удилами, украшенными кистями, как будто чувствуя невозмутимое расположение духа своего хозяина, спокойно и чинно шагает вперед. А конь дружинника с испуганными глазами, раздувающимися ноздрями, открытым ртом и напряженной мускулатурой внезапно осаживается рукой всадника.

В третьей иллюстрации приведена сцена ожесточенной борьбы русских с половцами, предвещающей приближающееся поражение. Но беда не в поражении, а в усобице между братьями. В этой иллюстрации увековечено только начало сражения, оказание помощи Всеволоду со стороны Игоря в то время, когда они еще в полном согласии воюют с врагом. Здесь в полной мере отражаются виртуозная техника художника, равно как и его даровитость в характеристике и композиции. Сцена сражения переполнена движением. Мышцы воинов напряжены, и эта напряженность пронизывает всю картину. В центре сцены стоит «ярый тур» Всеволод с поднятой секирой в руке, как раз собираясь ударить половца, который, заменив своего падающего раненого товарища, обхватывает князя, чтобы повергнуть его на землю. За спиной Всеволода дыбится конь Игоря. На нем сидит князь, который, поднимая свой меч, старается воспрепятствовать намерению врага. Голова Всеволода покрыта — в соответствии с описанием поэта — золотым шлемом. Игорь устремляет суровый взор на противника своего брата. Латы обоих братьев прикрыты обшитыми горностаем мантиями с короткими рукавами. Несмотря на одинаковую одежду, индивидуальное различие братьев подчеркнуто и художником. Из-под шлема Всеволода видны лишь его сверкающие от гнева глаза, а лицо Игоря, решительное, обрамленное белокурыми волосами и короткой бородой, более спокойно.

Четвертая иллюстрация расположена после плача Ярославны, перед рассказом об освобождении Игоря из плена. За волнующей сценой борьбы следуют более спокойные мотивы. Вызываются князя соединить свои усилия для защиты страны. Описывается побег Игоря из плена, но поскольку поэт ничего не говорит о том, как же попал князь в руки врага, Зичи тоже обходит молчанием этот эпизод и запечатлевает только радость, выразившуюся в словах реки: «Книже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!».⁶ Донец, значит, одобряет побег Игоря, который, как и в предыдущей сцене сражения, без шлема сидит на своем коне, почтительно сняв его перед мускулистым старцем-великаном, с длинной бородой и волосами на голове, охваченными венком из листьев. Этот великан олицетворяет собой реку. Конь, остановившись, нагибает голову, а соратник Игоря, Овлур, припав к земле, утоляет жажду, зачерпнув шлемом благотворящую воду Донца. Его смелое движение представляет собой тоже контраст с фигурой Игоря, который, сидя прямо на коне, почтительно прислушивается к словам реки. Дух реки изображен непластическим способом, а, подобно воображаемой группе героев первой иллюстрации, бледными контурами, указывающими на его сверхъестественность.

⁶ Там же, стр. 29.